

Чорномидз Ю. Н.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/74.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 213-216. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- Гитлер А. Моя борьба / Пер. с нем. - М.: ИТФ «Т-Око», 1992.
Мельков. Первая Мировая война. Пролог XX века. - М.: Наука, 1999.
Олейников Д. Вы не понимаете немцев // Родина. - 2002. - № 10.
Яковлев Н. Н. Последняя война старой России. – М.: Просвещение, 1994.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Чорномидз Ю. Н.
Кубанский государственный университет

Правосубъектность в данной работе употребляется в смысле возможности быть субъектом международного права. Рассматриваются виды субъектов, их классификации, признаки, современные тенденции. Из теории права мы знаем, что в понятие правосубъектности входит правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Вопросом остаётся: можно ли считать субъектом лицо (образование), которое обладает лишь одним из элементов правосубъектности? Если презумпция отрицательного ответа на этот вопрос, тогда какой статус стоит придавать этим образованиям: «полусубъекты», участники международных правоотношений или субъекты конкретных правоотношений? Мы встанем на позицию концепции, что все образования, участвующие в международных правоотношениях, будут субъектами международного права, но только с разным объемом правосубъектности (правоспособности, дееспособности, деликтоспособности) за счёт разницы выполняемых функций. И соответственно подлежат классификации по различным основаниям.

Актуальность темы обусловлена общемировыми процессами по приданию статуса независимых государств, всё большей значимостью в жизни общества больших корпораций, обладанию индивидами широким спектром прав, обязанностей и ответственности.

Также рассмотрим вопрос о правосубъектности международных организаций, казалось бы, одних из самых «простых», классических субъектов международного права, но в настоящее время международные организации приобретают новые формы, и их правосубъектность и статус на международной арене варьируются.

От чёткого понимания вопросов международной правосубъектности на практике зависит дальнейшая мировая политика и «милитари» обстановка.

Обобщив определения субъектов международного права, приводимые в научных трудах таких авторов как Я. Броунли, И. И. Лукашук, Ю. М. Колосов, Г. В. Игнатенко, Г. И. Тункин и др., можно собирательно обозначить признаки субъектов: образование (самостоятельное); способность непосредственно обладать правами и обязанностями по международному праву; способность участвовать в создании и (или) осуществлении норм международного права. Также выделяют признак – возможность вступать в международные публичные (междувластные) правоотношения [Колосов 1998: 56]. На наш взгляд, наиболее удачная конструкция – это считать субъектами образования, участвующие в реализации норм международного права тем или иным способом, имеющие права и обязанности согласно нормам международного права и могущие их реализовывать и защищать. Также немаловажным признаком субъекта мы предлагаем считать упоминание о них, как о субъектах, как о носителях прав и обязанностей, правосубъектности и в других формулировках в международно-правовых нормах. Ведь степень участия субъекта в международно-правовых отношениях определяется объемом представленных ему нормами международного права прав и обязанностей.

Таким образом, дабы избежать всех теоретических споров, необходимо закрепить легальное понятие субъекта международного права на договорном уровне путём перечисления признаков, причём таким образом, чтобы под эту правовую конструкцию подпадали как существующие в настоящее время, так и созданные в будущем субъекты.

Другой путь решения этой проблемы заключается в закреплении процедуры признания того или иного вида образований субъектом международного права мировым сообществом. И с появлением каждого нового субъекта стоит его признавать в качестве такового с последующим нормативным утверждением этого решения, например, на конвенционном уровне.

История знает весьма интересные варианты признания субъектов именитыми учёными. Таким было учение профессора Петербургского университета Ф. Ф. Мартенса. Согласно его позиции, непосредственными субъектами международного права и деятелями в области международного общения являются независимые народы или государства европейской цивилизации, государства же Востока исключаются из числа субъектов, так как международное право регулирует отношения только между «цивилизованными государствами» [Мартенс 1887: 324]. Стоит ли осуждать великого учёного за излишне позитивный подход. Его позиция отвечала требованиям времени. Субъектом международного права, по мнению М. Н. Капустина, является народ, Л. А. Камаровского – «международный союз», П. Е. Казанского – государство и общество. В международно-правовой мысли России существовали подходы, согласно которым к субъектам международного

права относили наряду с государствами, обществами и индивидов (В. А. Уляницкий, Э. К. Симсон, С. А. Ященко). Также были попытки обоснования международной правосубъектности всего человечества.

Мы, оценивая общие тенденции мировой и отечественной науки, придерживаемся концепции широкого круга субъектов международного права (Г. М. Вельяминов, К. А. Бекашев, Г. В. Игнатенко, Н. В. Захарова). Субъекты могут быть классифицированы по различным основаниям. Так, выделяют типичных и нетипичных; общепризнанных и необщепризнанных; классических и неклассических; первичных (первоначальных) и вторичных (производных); универсальных и неуниверсальных (специальных). Профессор Г. И. Тункин разделяет понятия акторов и субъектов [Тункин 1994: 9]. Иногда нетипичных и неуниверсальных объединяют в понятие иные субъекты. В литературе также можно встретить частое упоминание терминов «парасубъекты», «образования особого рода» [Броунли 1997: 114] и «аномальные субъекты (аномалии)» [Броунли 1997: 121].

Поговорим о правосубъектности индивидов. Классик французской юриспруденции Ж. Ссель писал: «Только индивид является субъектом международного права» [Scelle 1932: 42]. Позже он признал правосубъектность государств; для решения прежде практических задач – без признания государства как основного субъекта никуда.

Ю. М. Колосов, П. Маланчук, П. Н. Бирюков, Н. А. Ушаков, С. В. Черниченко отрицают международную правосубъектность индивида [Ушаков 2003: 21], называя его иногда объектом международного права. Известный специалист в области прав человека В. А. Карташкин считает, что «индивид стал непосредственным субъектом международного права» [Карташкин 1995: 100].

Статья 28 Всеобщей Декларации прав человека от 10 декабря 1948 года определяет, что «каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены».

Устав ООН достаточно четко определил межгосударственный характер международной защиты прав человека: «Осуществлять международное сотрудничество... в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам». Таким образом, осуществляя сотрудничество, государства принимают на себя обязательства признать за индивидом определённые права, создают соответствующие механизмы их реализации, включая международные. Но не только из наличия прав человека и норм о них мы можем сделать вывод о международной правосубъектности индивида, но также из прямого на то указания в нормах международного права, из права петиций и международной ответственности индивидов.

Статья 16 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года содержит формулировку: «Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности». Если считать данное указание как указание на внутринациональную правосубъектность, но в совокупности с нормами о правах человека и его защите, безусловно, а также со словами «где бы он ни находился» (признак трансграничности) – однозначно речь идёт о наличии международной правосубъектности индивида.

Ещё один аргумент – институт международной уголовной ответственности физического лица. Достаточно вспомнить строки из приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями, и только путём наказания индивидов, совершающих такие преступления, предписания международного права могут быть принудительно осуществлены». Речь идёт о непосредственной уголовной ответственности индивида по международному праву за особо тяжкие международные преступления против мира и безопасности человечества. Международная деликтоспособность индивида также закреплена в Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 г., Конвенции о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г, а также в уставах военных трибуналов.

Положительные решения Европейского Суда по правам человека являются межгосударственно обязательными и при этом создают права для индивида. Такая практика нашла своё отражение в 2001 году и в решении Международного суда ООН по спору между ФРГ и США (дело Ле Грандов). В своём решении Суд признал, что США нарушили вытекающие из Венской конвенции права не только Германии, но и её граждан. По мнению Суда, в случае, если договор создаёт права для индивидов, государство может возбуждать международный судебный процесс от имени своего гражданина на основании общей формулы признания юрисдикции Суда в отношении споров между сторонами в договоре [Лукашук 2000: 37]. Отрицанием международной правосубъектности индивидов игнорируются не только такие отрасли и институты права, как права человека и уголовная ответственность индивидов, но и право петиций. А как отмечает М. Исаева, общая тенденция участия физических и юридических лиц в международных судебных разбирательствах наряду с государствами является в настоящее время одним из самых актуальных и спорных вопросов международно-правовой практики [Исаева 2005: 27]. Среди юридических лиц в вопросе о правосубъектности нас более всего интересуют международные организации, транснациональные корпорации (ТНК) и некоторые международные неправительственные организации (МНПО).

Г. М. Вельяминов, Н. В. Захарова, Г. И. Морозов, Р. А. Мюллерсон, Т. Н. Нешатаева допускают признание за МНПО качества субъекта международного права. Наличие консультативного статуса, к примеру, по статье 71 Устава ООН и Резолюции ЭКОСОС 1296 от 23 мая 1968 года «Мероприятия по консультациям с неправительственными организациями», предоставляет отдельным МНПО ряд прав и налагает некоторые обязанности. Обладание МНПО правами и обязанностями не ограничивается рамками консультативного

статуса (и не только ЭКОСОС), так как существует целый ряд резолюций Генеральной Ассамблеи, отдельные положения которых адресованы МНПО и определяют конкретные направления и задачи сотрудничества ООН с МНПО в сфере политических проблем [Мамедов 2002: 20]. Но, признавая международную правосубъектность отдельных МНПО, следует оговориться, что они являются специальными, неправообразующими субъектами международного права с довольно ограниченным объемом правоспособности.

Новым, но не менее спорным субъектом является международная террористическая организация. Её правосубъектность определяется опять же международной уголовной ответственностью, а также конструкцией признания террористической организации агрессором и в качестве воюющей стороны. Если «11 сентября» – это акт агрессии, а его может совершить лишь субъект международного права, то террористическая организация таковым является. А при наличии субъекта агрессии, потерпевшая сторона может обороняться. Так объясняет сложившуюся ситуацию США.

ТНК также претендует на статус субъекта международного права, хотя их деятельность регулируется международным частным правом. Их экономическая мощь и влияние на мировую политику в ряде случаев превращают их в более весомую силу на международной арене, чем некоторые государства в современных условиях глобализации.

Обоснованием международной правосубъектности ТНК в праве необходимо считать упоминание о правах и обязанностях в конвенционных нормах, например, Конвенции по морскому праву 1982 г. Заключая инвестиционные соглашения и вступая в инвестиционные отношения с государствами, ТНК также становятся носителями определенных международных прав и обязанностей.

Международно-правовой статус ТНК проявляется и в процессуальной плоскости при разрешении споров между государствами и ТНК. Органом, рассматривающим такие споры, является Международный центр по урегулированию инвестиционных споров между государствами и лицами из других государств, созданный в соответствии с заключенной в 1965 г. Вашингтонской конвенцией о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами. Самым современным аргументом для признания за ТНК качества субъекта международного права предлагаем считать аргумент об ответственности за причинение вреда в плоскости публичного, а не частного права. Ответственность будет лежать на самой ТНК, а не на государствах, на которые распространяется её деятельность и не лицах, руководящих ею. Таковую концепцию признания ТНК субъектами международного права поддерживают Ф. Джессоп, В. Фридман.

Проблемным также считается вопрос о правосубъектности субъектов федераций и субнациональных (автономных) территорий унитарных государств. Она вытекает из «зонтичных соглашений» или прямого указания на то во внутреннем законодательстве, хотя в Российской Федерации по нормам Федерального закона от 4 января 1999 года № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» им не предоставлено право заключать международные договоры, но в историческом контексте они существовали. В рамках мировой истории можно привести примеры Гренландии и Фарерских островов. Признавая указанные образования полноправными субъектами международного права, на наш взгляд, можно частично разрешить вопрос и о правосубъектности наций, народов, борющихся за самоопределение. Сложившаяся острая ситуация тенденции к их независимости может ослабиться при признании их субъектами международного права без отделения, что будет соответствовать, по нашему мнению, одновременно принципам международного права на равноправие и самоопределение народов, целостность границ и невмешательство во внутренние дела государства, не отдавая предпочтения одному из них.

Одними из самых необычных субъектов международного права в истории можно считать «вольные города» (Краков, Данциг, Свободная территория Триест) и Ватикан (Святейший престол). Не исключено, что в будущем появятся субъекты аналогичные указанным. Так, вольный статус требовали жители небольшой территории республики Адыгея, что не увенчалось успехом. Есть основания полагать, что особым международно-правовым статусом будет обладать так называемый город-пирамида в Токио, у которого предполагается автономия не только жизнедеятельности, но и правовой системы.

Список литературы

- Бирюков П. Н. Международное право: Учебное пособие. - М., 1998.
Брунли Я. Международное право / Под ред. Г. И. Тункина. - М., 1977. - Кн. 1, 2.
Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. - 10 декабря 1998 г.
Исаева М. Частные лица в международном правосудии // Международное публичное и частное право. - 2005. - № 3.
Карташкин В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. - М., 1995.
Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: Учебник. - М., 2000.
Мамедов У. Ю. Международная правосубъектность (основные тенденции развития): Автореф. дисс. ... к. ю. н. - Казань, 2002.
Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. - СПб., 1887. - Т. 1.
Международное право: Учебник / Под ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунова. - М., 2003.
Международное право: Учебник / Под ред. Ю. М. Колосова. - М., 2000.
Международное право: Учебник / Под ред. В. И. Кузнецова - М., 2001.
Международное право: Учебник / Под ред. Г. И. Тункина. - М., 1994.
Международное публичное право: Учебник / Под ред. К. А. Бекяшева. - М., 2004.
Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. - М., 1978. - Вып. XXXII.

О праве международных договоров: Конвенция от 10 сентября 1986 г. // Ведомости ВС СССР. - 1986. - № 37.
О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1999. - № 2. - Ст. 231.
По морскому праву: Конвенция от 10 декабря 1982 г. // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 48. - Ст. 5493.
Фельдман Д. И., Курдюков Г. И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. - Казань, 1974.
Scelle J. *Precis de droit des gens.* - P., 1932.
<http://www.lentacom.ru> - 23 апреля 2008 г.

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ ПОСРЕДСТВОМ СИНЕРГИИ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Шаповалова Л. М.

Тобольский государственный педагогический институт им. Д. И. Менделеева

Западная цивилизация, в основном преодолевшая экономическую отсталость и вышедшая на высокий уровень конкурентоспособности на мировом рынке, не достигла того состояния, когда духовность является фактором, детерминирующим поведенческие стереотипы и систему ценностей. Превращение потенциальной возможности духовного падения человека и общества в актуальную не может оставлять равнодушными к этой проблеме ни самого человека, ни общества. Утрата повседневной жизнью ориентации на высокие духовные ценности вызывает у прогрессивно мыслящей части человечества беспокойство и ощущение необходимости консолидации всех сил общества в преодолении создавшейся ситуации.

Попытки Запада выйти из кризиса духовности своими силами не увенчались успехом. Запад вынужден был обратить свой взор на Восток, который, успешно пользуясь западными технологиями, сохранял и, если нужно, возрождал духовные ценности древних культур. Обе цивилизации, как восточная, так и западная, быстро сориентировались в направлении преодоления кризисных явлений, характерных для своих обществ, обратив, в первую очередь, внимание на образовательную отрасль. Ведь именно здесь происходит формирование мировоззрения и становление личности, взаимодействующей с обществом. Образование способно создать условия, мотивирующие и стимулирующие процесс познания на протяжении всей жизни индивида. Данный процесс предполагает одновременно целенаправленность и внутрь себя, т.е. на собственное нравственное совершенствование и духовное развитие, и на приумножение общественного блага на основе укрепления морально-этических норм. Беспомощность современной системы образования в трансляции духовных ценностей, накопленных человеческой цивилизацией, и тем более в формировании оных а, значит, и в выполнении одной из своих главных функций – культурообразующей, побудило образование обратиться к опыту предшествующих эпох и цивилизаций. В этом смысле показателен опыт Японии, Индии, Китая.

Итак, каковы образовательные приоритеты Востока? Что способствует всестороннему поступательному развитию восточных стран? Изучение истории культуры такой высокотехнологичной, высокопроизводительной страны как Япония позволяет оценить по достоинству непревзойденный культурный и образовательный уровень этой уникальной страны, занимающей, кстати, первое место в мире по продолжительности жизни. Как выясняется, высокая техногенность и производительность Японии обязаны своими достижениями преданности духовным традициям, отличавшим дальневосточную страну на всех этапах эволюционного развития нации. Верность духовной чистоте помогла уберечь страну от упадка культуры на разных стадиях исторического развития и выйти на высочайший уровень конкурентоспособности в мире. Несмотря на достигнутые успехи, Япония продолжает поддерживать приоритетное отношение к образовательной сфере как к ведущей отрасли человеческой цивилизации.

Напряженное демографическое, экологическое и социально-экономическое положение Китая (в современном Китае насчитывается 100 миллионов безработных) не помешало стране приблизиться по продолжительности жизни к Японии. Своим стремительным экономическим и технологическим прогрессом Китай обязан не только жизненной необходимости достойного выживания, но и возрождением духовных ценностей древних традиционных культур: конфуцианской, даосской, буддийской, ламаистской. Конфуцианство, по своей сути являясь социально-этнической антропологией, сосредоточило внимание на человеке, обществе, проблемах морали и нравственности. Учение Конфуция составляло основу системы китайского образования, нацеленного на формирование нравственной личности, способной занять достойное место в обществе, с середины I тысячелетия до н.э. до XX века. Конец XX - начало XXI веков характеризуется повышением внимания к другим духовным культурам, например, к даосизму. Древняя даосская философия уповает на «интегрального человека», синтезирующего в себе художественное, научное и практическое. В соответствии с даосской теорией человеческое существо состоит из трех тел: физического, психического и духовного. Физическое тело вмещает в себя инстинктивные потребности. Чувства, мысли, рассуждения представлены психическим телом. Интуиция наряду с совестью составляет духовное тело. У гармоничного существа функции физического тела осуществляют намерения психического тела, а это последнее формирует их в соответствии с духовными законами. Общество, основанное на таких приоритетах, считают даосы, будет избавлено от зол и бедствий. Опыт современных цивилизаций демонстрирует властность потребностей тела над советами духа, что и явилось причиной хаоса в ряде обществ. И поэтому человек, по мнению восточной